

Штрихи к портрету Григория Бакланова

«ПОМНИТЬ

ЭТО НАМ

ВСЮ ЖИЗНЬ...»

рует», нет — такова доля в нашей жизни среди настоящих людей всех этих приспособленцев. Автор выражает и собственные нравственные представления, и мироощущение своего поколения, которое выросло суровым и аскетичным, но не жестоким, ибо жестокость противопоставлена защищаемой (и защищенной!) человечности, она показатель слабости, а не мужественной силы.

Определяющее чувство героев Бакланова — память. Память — боль и память-гордость, память-сила, активно воздействующая через поступки и самооценку человека на новое время. Она и «мост времен», и регулятор связи эпох, и мотивация чувств, поступков героев. Писал Бакланов и о любви, но в основном он повествует о кровавых «подробностях» войны. Однако этим он не запугивает читателя, не удивляет пережитым, а бесстрашием правды утверждает гуманизм, силу воина, прошедшего своей (общенародной!) дорогой через бои во имя мира и счастья всех людей. Потому и в композиции произведений от страшного облика войны картины мирной жизни монтируются с изображением «смертного боя». Так и было. Но это еще и идейно-художественная позиция писателя.

Баклановский «автопортрет», чем дольше в него вглядываешься, тем больше убеждает, что изображение войны и человека на войне — не самоцель и даже не основное. Да, Бакланов пишет о войне, о воюющем человеке, его повести и первый роман написаны по военным законам безоговорочной правды и суровой трезвости. Он пишет о жизни человека на войне, той жизни, в которой огневые позиции подковых пушек представлялись чуть ли не тылом... И все-таки прежде всего и главным образом он пишет о жизни — о величайшей ценности, дарованной человеку, и тем определяет ценность человека, способного (или неспособного) соответствовать своему назначению. Но «для тех, кто прошел войну, она не становится отдельным воспоминанием, она — часть его жизни и продолжает жить в нем. С ней соотносятся сегодняшние поступки, в ней можно найти начало многих нынешних событий, как во времени предвоенного начала много из того, что получило завершение, развязку или объяснение на войне». Мотовилов и другие баклановские герои (баклановские не только потому, что созданы его воображением, но самые близкие по возрасту, жизненному опыту, поступкам и желаниям тому юному лейтенанту-артиллеристу Бакланову) — труженики войны, войну обдумывающие и объясняющие. В них не подчеркнута интеллектуальное начало, они не философствуют, но думают — трезво и строго.

Такие мысли, постоянные раздумья и создают портрет — не силуэт, не абрис, но именно портрет — насыщенный и эмоционально, и событийно, выразительный и даже многоликий, ибо это портрет поколения. В нем отражена история, отражена судьба Отечества, победившего в войне. Это портрет героический. Подвиг — в представлении Бакланова — частица общей фронтовой работы. Его герои это знают совершенно точно.

Создаваемый Баклановым портрет — вызов забвению и отрицанию забвения. Это призыв к человеческой памяти и сама память, помогающая поколению «навеки девятнадцатилетних» пролагать дорогу вместе со всеми и благодаря этому оставаться среди живущих на великом жизненном пути.

Леонид ЗАМАНСКИЙ
МАГНИТОГОРСК

В своем раздумье «Круг человеческого братства», в пронзительном, торжественно-печальном слове об ушедшем сверстнике и друге, о литераторе близкой судьбы Сергея Орлова, словно обобщая прежние признания и раздумья о судьбе поколения, Григорий Бакланов, пожалуй, откровеннее и страстнее, чем прежде, обозначил собственную художественную концепцию и подкрепил ее стихами С. Орлова:

Мы говорим,
задумываясь редко,
Что время
беспощаднее течет.
Как на войне, —
а кем бы пошел
в разведку? —
А думать надо:
кто с тобой пойдет?..
Тогда бы можно
и не хитровато:
— С кем я пошел бы? —
молвить в свой черед.
А очень просто:
— Кто со мной, ребята? —
И помолчать.
И два шага вперед!..

Необходимое для Бакланова добавление к этим стихам — не ради их истолкования, но единственно во имя выражения личной сопричастности облику и духу поколения: «Взрослыми, прошедшими войну людьми сидилось наше поколение за парты, за столы в студенческих аудиториях. Наверное, это странное покажется, но чувствовали мы себя опять хоть и не мальчишками, но какими-то очень молодыми. Непрожитая жизнь требовала, чтобы ее прожили, и раннее мужество и позднее школьничество сосуществовали рядом.

Но чем больше отдалялись мы от войны, тем чаще и чаще она вспоминалась и снилась, и на отдалении многое виделось ярче, и уже хотелось об этом рассказать. Мы еще не знали, что помнить это нам всю жизнь и жизни не хватит, чтобы рассказать все. И каждое воспоминание становилось цементами.

Память войны — критерий эстетический и этический в творчестве Г. Бакланова, которому в эти дни исполняется 60 лет. Для него литература не отвлечение от жизни, но объяснение жизни, потому право на работу в литературе дает лишь душевное напряжение, беспредельное чувство ответственности за современников и потомков. Герои Бакланова знают особый отсчет жизни: они дважды рождены, они обязаны осуществить то, что не успели сделать погибшие ровесники.

Фронтовой опыт определил и характер связей баклановских

героев: настоящий человек никогда не остается без людей, и наедине с самим собою он ответствен перед товарищами. Мотив дружбы, духовного родства постоянен у Бакланова — от ранней повести «Южнее главного удара» до трагедийного повествования «Навеки — девятнадцатилетние». Особенно дорога писателю солдатская, фронтовая дружба, но не случайно он вводит в роман «Июль 41 года», пусть и очень лаконичные, сообщения о дружбе Щербатова и Емельянова или Гончарова и Литвака, не случайно своему роману о послевоенной жизни дает название «Друзья», проверяя высокое чувство так, чтобы истинность и «кажимость» человеческих связей открылись во всей полноте. Для Бакланова солдатский подвиг — это частичка общих коллективных усилий, подвигающих общее воинское дело к победе. Настоящая дружба — взаимобогащение, и естественно место Мотовилова среди бойцов на своей «пяди земли», как естественно и его мальчишески-восторженное отношение к опытному и храброму командиру Бабину.

При всем разнообразии изображаемых эпизодов и коллизий Бакланов постоянен в своей манере. Изображение человеческих связей ведется им с традиционной эпической аналитичностью, углубленным осмыслением бытия, без малейшего любования «ударной» броской деталью. Однако это не исключает активности эмоций, прорывающихся в авторских обобщениях, в философско-лирических «комментариях», не исключает резкости красок в психологических характеристиках.

И в мирной жизни для баклановских героев представление о счастье, о жизненной норме — возможность делать то, к чему лежит душа (о чем мечтает даже «подкаблучник», забывающий фронтовую юность, «меньший среди братьев» Илья Константинович), и делать это во имя людей. Эмоциональная активность писателя словно высвечивает социальную активность его героев, их идейную убежденность.

В баклановской прозе постоянно ощущается сосредоточенность на обстоятельствах во имя выявления человеческой силы (коллективной), которая сильнее обстоятельств. Критерий художественности у Бакланова абстрактен в себя и определение возможности литературы в создании атмосферы коллективизма. В изображении поступков, даже жестов персонажей для Бакланова важны всегда мотивы и результаты. И есть внутренняя связь между всеми этими «мотивами и результатами».

По собственному признанию, писатель полтора десятилетия вынашивал рассказ-воспоминание о школьной поре — «Бабичев». Рассказ этот в известном смысле предыстория баклановских героев, но такая предыстория могла сложиться после многих прежних произведений, определена ими, ибо ведущий мотив прозы Бакланова — мочь и хотеть защитить, пожалеть, собою пожертвовать, как жертвуют Ваня Горшко в повести «Южнее главного удара» или не покорившийся в фашистском плену комиссар Бровальский («Июль 41 года»). Для Бакланова оказываются омерзительными капитан Ищенко («Мертвые сраму не имут») или рядовой Мезенцев, потому, что они эгоисты, а из-за этого погибают их однополчане. Фронтовая «пядь земли» бескомпромиссно выявляет силу и слабость — изначально и навсегда. Не оттого ли возникает потребность в исповеди у профессора-историка Ильи Константиновича?

Баклановские «Фронтовые повести» («Пядь земли» — особенно) — это, конечно, и воспоминание, страстное желание понять и объяснить самого себя, истоки собственной зрелости. Это и напоминание младшим современникам. Но еще в большей мере это побуждение к оценке современности, к ее сопоставлению с истинными и бесспорными ценностями, без шелухи и грима открывшимися на войне. Еще большая страстность Бакланова проявляется в утверждении сущности человека.

В триаде исповедь — проповедь — заповедь для Бакланова самое главное и необходимое — третье. Его проза автобиографична (с большей или меньшей степенью определенности — не жанровой, а социально-психологической).

Уже для читателей «Пяди земли» было очевидно, что ее автор — писатель думающий и герои его думающие. Разумеется, это не философская проза. Хотя Бакланов и размышляет о судьбе человечества и об ответственности каждого ныне живущего за судьбу своих современников и общих потомков.

Героическое в характерах баклановских героев не в стремлении к подвигу, но в естественном подчинении личного общему, даже самой жизни своей — «не ради славы, ради жизни на земле». Поэтому так сильна в героях нетерпимость к себялюбцам (в один ряд с Ищенко и Мезенцевым становится архитектор Анохин в «Друзьях» — их духовный родственник). Впрочем, таких людей в произведениях Бакланова немного. И не потому, что писатель «дози-